

К 270-летию Московского университета

*Т.Е. Чаплыгина, Е.Л. Бархударова, О.Ю. Дементьева,
О.В. Зубова, Ф.И. Панков (Москва, Россия)*

Юбилейный семинар «Творческое наследие М.В. Ломоносова в преподавании русского языка как иностранного»

Аннотация: 16 октября 2024 г/ на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся юбилейный семинар «Творческое наследие М.В. Ломоносова в преподавании русского языка как иностранного», посвященный 270-летию Московского университета. В докладах, прозвучавших на семинаре, обсуждались идеи М.В. Ломоносова, актуальные для разработки лингвистических основ и методики преподавания русского языка в иноязычной аудитории, а также были представлены результаты исследований в развитие этих идей.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, лингводидактический, функционально-коммуникативный, фонетика, грамматика

*T.E. Chaplygina, E.L. Barkhudarova, O.Yu. Dementieva,
O.V. Zubova, F.I. Pankov (Moscow, Russia)*

Anniversary Seminar “The Creative Heritage of M.V. Lomonosov in Teaching Russian as a Foreign Language”

Abstract: October 16, 2024, the Department of Didactic Linguistics and Theory of Teaching Russian as a Foreign Language of the Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University held an anniversary seminar “The Creative Heritage of M.V. Lomonosov in Teaching Russian as a Foreign Language”, dedicated to the 270th anniversary of Moscow University. The reports presented at the seminar discussed the ideas of M.V. Lomonosov, relevant for the development of linguistic foundations and methods of teaching Russian to a foreign language audience, and also presented the results of research in the development of these ideas.

Key words: Russian as a foreign language, linguodidactic, functional-communicative, phonetics, grammar

В октябре 2024 г. на кафедре дидактической лингвистики и теории преподавания русского языка как иностранного филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся семинар «Творческое наследие М.В. Ломоносова в преподавании русского языка как иностранного». Семинар был посвящен 270-летию Московского университета.

В предисловии к «Российской грамматике» М.В. Ломоносов писал, что грамматика «от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению». Можно сказать, что этими словами Ломоносов определил самую суть «идеологии» описания языка в прикладном аспекте: анализируя факты языка, не диктовать законы языку, а давать рекомендации говорящему на языке по грамотному употреблению единиц языка в речи. Преподаватели русского языка как иностранного (РКИ) особо отметят посыл М.В. Ломоносова опираться на живой язык, поскольку видят цель своей работы в обучении общению на русском языке.

Примечательна широта фонетических явлений, на которые обращает внимание М.В. Ломоносов: помимо описания и классификации звуков, ученый приводит примеры сопоставлений с другими языками, а также обращается к звуковым ассоциациям в русском языке. Эту интереснейшую тему развила в своем докладе «Учение М.В. Ломоносова о звуковых ассоциациях в свете анализа звукового оформления текста» Е.Л. Бархударова (д. ф. н., профессор МГУ).

На продвинутом этапе обучения русскому языку целесообразно включить в программу фонетического курса такие проблемы, как орфоэпическая вариативность, особенности русского сценического произношения, фонетика поэтического текста и ряд других, позволяющих дать учащимся представление о некоторых аспектах русской национальной культуры и помочь им правильно понять русский звучащий текст. Особый интерес для иноязычной аудитории представляет вопрос о звуковом символизме, изучение которого восходит к трудам Ломоносова.

«В российском языке, – писал М.В. Ломоносов, – часто повторение письмени *a* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, также и внезапного страха, *e, и, Ъ, Б, ю* – к изображению нежности... плачевных или малых вещей: через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность, через *о, у, ы* – страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь и печаль» [Ломоносов 1952].

Данный вопрос к настоящему времени остается мало изученным в лингвистическом аспекте. Он нашел отражение лишь в немногих учебниках и учебных пособиях по фонетике. К числу таких изданий относятся учебники М.В. Панова и Л.Л. Касаткина, где показано, что звуковое оформление во многом определяет эмоциональное восприятие звучащего текста, особенно текста поэтического. С низкими звуками, к которым относятся русские губные и заднеязычные согласные, согласный [л], гласные переднего ряда [а], [о], [у], [ы], [ъ], обычно связаны представления о глубине, серьезности, сложности. Высокие звуки, напротив, ассоциируются с чем-то легким, светлым, мягким и нежным. В их число входят все русские язычные согласные, кроме заднеязычных и [л], а также гласные переднего ряда [и], [э], [ь].

В учебнике Л.Л. Касаткина «Современный русский язык. Фонетика» рассказывается об опыте, в котором «маленьким детям показали две матрешки, отличающиеся размером: одна – большая, другая – совсем маленькая. Сказали: “Вот две сестрички, одну зовут А, другую И. Отгадай, какую зовут И?”. И большинство

детей показало на маленькую матрешку» [Касаткин 2006: 21]. К этому можно добавить, что обычно так же отвечают на этот вопрос взрослые люди – в частности, студенты разных национальностей и из разных стран. Многократная проверка позволяет говорить о том, что указанные звуковые ассоциации носят универсальный характер.

Каждый из низких или высоких звуков также способен вызывать различные ассоциации. «В русской речи ударный звук “о”, – отмечает писатель О. Сулейменов, – часто встречаясь в словах, обозначающих крайние состояния, явления, чувства, количества (*ночь, солнце, зной, холод, мороз, огонь, молния, гром, голод, соль, поле, море, мор, горе*), приобрел за века минорный характер. Колокольный звук, противоположный жаркому, яркому, радостному “а”» [Сулейменов 2005: 11].

Безразличное отношение к эмоциональной составляющей звука обычно сильно обедняет перевод звучащего текста. О. Сулейменов сравнивает звучание строчки в оригинале «Слова о полку Игореве» с ее же звучанием в переводе с древнерусского языка:

Дремлет в поле Ольгово хороброе гнездо. (оригинал) – Дремлет в поле Олегово храброе гнездо. (перевод)

Ударный [о], по словам писателя, помогает создать «тоническую картину тревоги, предчувствия горестного исхода» [Сулейменов 2005: 11]. В результате замены полногласной формы *хороброе* на форму *храброе* «поэтически оглохла, обеднела фраза. Рука ученого переводчика сокрушила самую поэтически совершенную фразу русской, да и мировой поэзии средневековья» [Там же]. Можно в связи со сказанным обратить внимание и на разное звучание слов *Ольгово* и *Олегово* с ударными гласными [о] (низким) и [е] (высоким) соответственно.

Эмоциональное восприятие звука [о] в минорном ключе характерно не только для русской поэтической традиции. Если спросить в группе иностранцев, что может обозначать звук [о] – *веселье* или *беду*, то, как правило, отвечают, что звук ассоциируется с *бедой*. В отношении же звука [а] учащиеся разных национальностей обычно выбирают *веселье*. Разумеется, задавая подобные вопросы, необходимо выбирать слова, которые не содержат звук, интересующий исследователя.

Все сказанное позволяет предположить, что звуковые ассоциации в большинстве своем не связаны с национальной традицией, а носят универсальный характер. Это значительно облегчает знакомство с поэтическим текстом, написанным на неродном языке. Надо лишь помочь учащимся проанализировать звуковое оформление текста и показать, что преобладание одних звуков создает радостное, веселое, легкое настроение, а преобладание других, напротив, бывает связано с негативными эмоциями – грустью, тоской, печалью. Особенно важным для эмоционального восприятия звучащего текста оказывается низкий или высокий характер ударного гласного слова, а в стихотворном тексте – ударного гласного рифмы.

Подводя итоги, можно отметить, что звуковой символизм является одной из важнейших проблем, возникающих в ходе изучения русской звучащей речи. Ее освещение в фонетическом курсе позволяет существенно расширить знания иностранных учащихся как в области русского языка, так и в области русской культуры.

В предисловии к «Русской грамматике» обращает на себя внимание высказывание, отражающее понимание Ломоносовым государственной важности описания и кодификации русского языка: «Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без

грамматики». Примечательно, что Ломоносов указывает на использование возможностей языка в различных сферах. Можно с полным основанием сказать, что Ломоносов указал путь к функциональному описанию языка, к созданию функционально-коммуникативной грамматики. Сложившаяся к настоящему времени лингводидактическая функционально-коммуникативная модель описания языка стала закономерным итогом исследований многих поколений лингвистов. Не останавливается ее развитие и сейчас. На семинаре прозвучали доклады, вдохновленные идеями Ломоносова, по важным аспектам грамматики.

В докладе «“Российская грамматика” М.В. Ломоносова о числительных» О.Ю. Дементьева (к. ф. н., доцент МГУ) отметила, что в «Российской грамматике» числительным уделено всего несколько страниц. Разделы, посвященные числительным и их употреблению в тексте, находятся в Наставлении третьем «О имени», в главе седьмой «О именах числительных», а также в Наставлении шестом «О сочинении частей слова», в главе второй «О сочинении имен». Однако в этих немногочисленных разделах представлена как парадигматика, так и весьма полная синтагматика числительных, а также ценные наблюдения стилистического характера, касающиеся употребления числительных в речи.

Интересно, что Ломоносов не дает определения числительного как части речи, равно как и существительного, глагола, наречия и т. д., – эти понятия предполагаются самоочевидными и поясняются языковым материалом. Объем понятия «числительное» в «Российской грамматике» отличается как от современного объема понятия «числительное», так и от объема понятия «счетные слова».

Ломоносов относит к числительным все слова, объединенные сходством лексической семантики, независимо от их морфологических категорий, как собственно числительные, так и счетно-местоименное слово *один*¹, и существительные *тысяча*, *миллион*, и счетно-порядковые прилагательные *второй*, *третий*. При этом ученый отнюдь не обходит вниманием словоизменительный аспект: он отмечает, например, что *один* склоняется как прилагательное единственного числа, а *сорок*, *девятьсто*, *сто* – как существительные второго склонения единственного числа. Напротив, неопределенно-количественные числительные *мало*, *немало*, *много*, *немного*, а также местоименные числительные *несколько*, *сколько*, *столько* среди числительных не рассматриваются. Ломоносов относит их к наречиям, рассматривая, впрочем, только контексты, в которых они действительно функционируют как наречия и употребляются «для напряженія или ослабленія вещи: *много любезнее мира сладость, нежели военная слава*».

Ломоносов подразделяет числительные на «первообразныя простыя и сложенныя» (*один*, *два*, *двенадцать*, *сорок*, *осьмдесят*, *сто*, *тысяча*, *тьма*) и «производныя простыя и сложенныя» (*первой*, *другой*, *второй*, *двенатцатой*, а также *двое*, *трое*, *полтора*, *полтретья*, *полдесята* и *протчая*). Он обращает внимание на стилистический аспект употребления производных сложных числительных от одиннадцати до девятнадцати: «в важных материях» надлежит употреблять числительное, составляемой приложением *надесять*: «Карл вторыйнадесять, а не двенатцатой, Лудвигъ пятыйнадесять, а не пятнатцатой».

В «Русской грамматике» подробнейшим образом рассмотрены все хитросплетения, связанные с выбором форм в количественно-именных сочетаниях. Без пре-

¹ Слово *один* трактуется в лингвистической литературе по-разному. Так, например, в Грамматике русского языка 1954 г. оно называется числительным, в Русской грамматике 1980 г. – счетно-местоименным словом и счетно-местоименным прилагательным.

увеличения можно сказать, что, готовясь к занятию по этой теме, современный преподаватель РКИ почерпнул бы весь необходимый теоретический материал по этому вопросу из «Российской грамматики».

Ломоносовым отдельно рассматриваются словосочетания, включающие числительное *один*; числительные *два, три, четыре*; «*пять, шесть и протчая первообразныя числительныя*». Так, «*один* сочиняется с существительным в том же падеже: *одинъ мужъ, одной жены, с однемъ дитятемъ*». Не анализируя характер синтаксических связей в словосочетании, Ломоносов замечает, что в именительном падеже *два, три, четыре* требуют родительного падежа единственного числа (*два светила, три лица, четыре части*), но «въ косвенныхъ падежахъ склоняются согласно во множественномъ числе: *двухъ светиль, тремъ лицамъ, четырьми частями*».

Поражает наблюдательность Ломоносова: «Когда къ симъ числительнымъ припряженное существительное будетъ со своимъ прилагательнымъ: тогда существительное, по обыкновению полагается въ родительномъ падеже единственномъ, а прилагательное въ родительномъ множественномъ: *четыре корабля военныхъ, три человека сильныхъ*; или въ именительномъ множественномъ: *четыре корабля военные, два человека сильные*. Хотя сіе и бываетъ въ именительномъ противно общему правилу о согласіи существительныхъ съ прилагательными; однако въ косвенныхъ согласіе содержится: *четыремъ кораблямъ военнымъ, въ четырехъ корабляхъ военныхъ*». Знаменательно, что именно Ломоносов описал эти «причуды» русского языка.

Далее в «Русской грамматике» описываются именные словоформы в сочетании с числительными *пять, шесть, двадцать, семьдесят* и т. д. Ломоносов указал на тот факт, что в именительном падеже числительное требует формы родительного множественного числа существительного, т. е. управляет существительным (*пять чувств*), а в косвенных падежах употребляется в том же падеже, что и существительное, т. е. согласуется с существительным по падежу и является уже не главным, а зависимым словом (*пятью чувствами*).

В этом проявляется сходство словосочетаний, включающих любое количественное числительное, кроме прилагательного *один*, и таких существительных, как *тысяча, миллион* (в настоящее время), что, конечно же, было замечено Ломоносовым: «Изъ сего вычти *сорокъ, сто, тысяча*».

Ломоносов делает интересные в стилистическом отношении наблюдения, связанные с сочетаемостью собирательных числительных. Так, числительные *двое, трое, четверо, десятеро* сочетаются с личными именами: «*двое мещанъ, трое беглыхъ, десятеро разбойниковъ*. Но сіе употребляется только о людяхъ, и то по большей части niskихъ. Ибо не прилично сказать: *трое бояръ, двое архіереевъ*: но *три боярина, два архіерея*»; «Также кроме человека о прочихъ животныхъ не говорится: *шестеры лошади, двои слоны*; несвойственно, но *шесть лошадей, два слона*». В сочетании с предметными именами, т. е. «въ бездушныхъ вещехъ, которыя только во множественномъ употребительны, полагаются сіи числительныя съ окончаніемъ на И, согласными падежами: *двои сани, трои гусли, десятеры пилы*. А не свойственно сказать: *пятеры столы*; но *пять столовъ*».

Ф.И. Панков (д. ф. н., профессор МГУ) в своем докладе «“Русская грамматика” М.В. Ломоносова и концепция категориальных классов слов» подчеркнул, что «Русская грамматика» Ломоносова – одно из главных филологических сочинений великого ученого-мыслителя и одно из важнейших по значимости в

истории отечественной русистики. Это фактически первая печатная русская научная грамматика на родном языке. «Российская грамматика» состоит из шести «наставлений». Наставления разделены на главы, главы – на параграфы. Наставление первое («О человеческом слове вообще») посвящено общим вопросам грамматики «вообще» и русской грамматики в частности. Помимо прочих здесь рассмотрены вопросы классификации «частей слова», как Ломоносов называл в то время части речи. Всего в русском языке ученый выделил восемь так называемых знаменательных (т. е. «знаменующих», что-то обозначающих) «частей слова», которые он разделил на главные, т. е. самостоятельные, и вспомогательные, или служебные. К главным он отнес имя (включая собственно имя существительное, прилагательное и числительное) и глагол, а к служебным – местоимение, причастие, наречие, предлог, союз, междометие («междуметие»). Причем причастие рассматривалось им как отдельная от глагола часть речи, которая служит «для сокращения соединением имени и глагола в одно речение». Кроме того, в морфологическом отношении части речи разбиты на «склоняемые» (т. е. изменяемые: имя, местоимение, глагол, причастие) и «несклоняемые» (остальные). Как видим, в своей классификации Ломоносов учитывает не только лексическую, но и грамматическую природу слов.

Ломоносова в науке можно сравнить с А.С. Пушкиным в литературе. Как из творческого наследия великого поэта выросли такие антиподы, как А.А. Фет и Н.А. Некрасов, так «Российская грамматика» послужила основой совершенно разных, подчас противоположных учений, таких как концепция А.А. Потебни и Ф.Ф. Фортунатова. Для первого при выделении частей речи определяющим критерием была семантика, восходящая еще к античным грамматикам, для второго – морфология. Именно концепция Ф.Ф. Фортунатова стала огромным шагом вперед по сравнению с интуитивным представлением об «общекатегориальной» семантике частей речи. Свообразным же мостом между античностью и современностью стала «Российская грамматика».

В первую очередь именно ломоносовские и фортунатовские традиции легли в основу современной концепции категориальных классов слов (ККС), возникшей в недрах функционально-коммуникативной грамматики как ядра лингводидактической модели описания русского языка. ККС являются более конкретными и частными морфологическими разрядами по отношению к частям речи как к более общим грамматическим суперклассам. ККС в русском языке выделены на основе принципа не классификации, а систематизации¹.

Этот принцип позволил на основе собственно грамматических признаков выделить в русском языке двенадцать ККС (из них восемь самостоятельных ККС – с подклассами):

1) имя существительное:

1а) знаменательное: *дом, стол, кофе, Сочи;*

1б) местоименное:

– все личные местоимения: *я, ты, он, она, оно, мы, вы, они;*

– вопросительно-относительные: *кто, что;*

– неопределенные: *кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, что-то;*

– возвратное: *себя;*

– отрицательные: *никто, ничто; некого, нечего;*

¹ О принципе систематизации и его отличии от принципа классификации см., в частности, [Всеволодова 2016; Панков 2009].

- 2) имя числительное:
 2а) знаменательное: *три, сто*;
 2б) местоименное:
 – вопросительно-относительное: *сколько*;
 – неопределенные: *сколько-нибудь, несколько, много, мало*;
 – указательное: *столько*;
 – отрицательное: *нисколько*;
- 3) имя прилагательное:
 3а) знаменательное: *умный, большой, коми*;
 3б) местоименное:
 – притяжательные: *мой, твой, его, ее, наш, ваш, их*;
 – вопросительно-относительные: *какой, каков, чей*;
 – неопределенные: *какой-то, какой-нибудь, кое-какой, какой-либо, некоторый*;
 – указательные: *такой, таков, этот, тот*;
 – определительные: *самый, всякий, каждый, любой*;
 – отрицательные: *никакой, ничей*;
- 4) причастие:
 4а) знаменательное: *читающий, открытый*;
 4б) местоименное: *делающий, отэтованный, оказывающий* (помощь);
 5) глагол:
 5а) знаменательный: *ходить, читать, болеть, открываться*;
 5б) местоименный: *делать₁* (коррелят англ. to do), *отэтовать* (прост.), *оказывать* (помощь);
- 6) наречие:
 6а) знаменательное: *быстро, внимательно, завтра*;
 6б) местоименное:
 – вопросительно-относительные: *где, куда, докуда, откуда, когда, зачем, почему*;
 – неопределенные: *где-то, когда-нибудь, куда-либо, кое-зачем, некогда*;
 – указательные: *там, здесь, туда, сюда, дотуда, досюда, оттуда, отсюда*;
 – отрицательные: *нигде, никуда, ниоткуда, никогда*;
- 7) компаратив:
 7а) знаменательный:
 – деадъективный: *выше* (ростом), (Оля) *красивее* (Светы);
 – деадвербиальный: *выше* (прыгнул), *красивее* (написал), *быстрее* (пробежал);
 7б) местоименный: *тудее* (прост.), *сюдее* (прост.);
- 8) деепричастие:
 8а) знаменательное: *читая, прочитав, запершись*;
 8б) местоименное: *делая, отэтовав, оказав* (помощь);
- 9) предлог: *на, в, под, из, с, над, из-за, благодаря, несмотря на, вопреки*;
 10) союз: *и, или, но, однако, оттого что, потому что, благодаря тому что*;
 11) частица: *разве, неужели, ведь, же, да, так, ну*;
 12) междометие: *ой, ах, ай*.

Ломоносов достиг многого в самых разных науках. Недаром А.С. Пушкин писал: «Он создал первый университет; он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом». И всё же для нас, филологов, это прежде всего великий грамматист.

«Российская грамматика» и другие филологические и литературные произведения Ломоносова оказали большое влияние на становление русского литературного языка и русской культуры. Культуроведческим взглядам Ломоносова были

посвящены материалы доклада Л.В. Ершовой, представленные на юбилейном семинаре О.В. Зубовой (к. ф. н., преподаватель МГУ).

Русская культура XVIII в. в целом развивалась под сильнейшим воздействием реформаторской деятельности Петра I, и Ломоносов являлся ярким и характерным символом петровской эпохи. В личности великого русского ученого воплотилась сущность русской идеи, воспринятой и развитой в XVIII столетии: это прежде всего универсализм знаний, торжество человеческого мышления, способного постичь и преобразовать весь мир при помощи научных открытий и неустанного труда.

Одной из ключевых идей эпохи, активно воспринятой Ломоносовым, является вхождение России в европейское и – шире – мировое культурное пространство, отсутствие ограничений для человеческого разума, познания, творчества. В частности, это проявилось в приобщении просвещенных россиян к образам европейской мифологии. В ломоносовских одах можно найти многочисленные примеры использования имен персонажей и названий реалий, по происхождению восходящих к античной культуре. Так, в «Оде на прибытие Ея величества великия Государыни императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации», говоря о поэтическом вдохновении, необходимом стихотворцу, высоком предназначении искусства, Ломоносов пишет:

Взлети превыше молний, Муза,
Как Пиндар быстрый твой орел;
Гремящих Арф ищи союза
И вверх пари скорее стрел;
Сладчайший Нектар лей с Назоном;
Превысь Парнас высоким тоном;
С Гомером, как река, шуми
И, как Орфей, с собой веди
В торжествен лик древа и воды,
И всех зверей пустынных роды.

Так в творчестве Ломоносова сформулирована идея универсализма русского взгляда на мир, открытость к познанию нового, желание осознать Россию как часть мирового культурного пространства.

Однако, приобщившись к европейской культуре, Россия, по мнению Ломоносова, не должна зависеть от чужеземцев, преклоняться перед ними. Сильная власть других стран неприемлема для страны, обладающей огромным историческим потенциалом. Ломоносов, бесспорно веря в будущее процветание науки и искусств в России, утверждает при этом в высшей степени русскую идею: именно родная страна станет ведущей европейской державой, призванной рождать «собственных Платонов / И быстрых разумом Невтонов».

По мысли Ломоносова, на основе государственной политики, обеспечивающей мир и свободу, возможным становится процветание науки и культуры, носящей ярко выраженный национальный характер, но в то же время воспринявшей все достижения мировой цивилизации. Формирование такой подлинно национальной культуры, по Ломоносову, возможно на основе глубинного знания и изучения русского языка, который должен соединить, сблизить друг с другом книжный язык академической науки и простонародный, разговорный, общеупотребительный язык. Ломоносов, таким образом, закладывает основу реформы русского литературного языка, впоследствии воплощенной в творчестве А.С. Пушкина.

Именно изучение русского языка, по мысли Ломоносова, должно было стать основой обучения будущих «Платонов и Невтонов». В книге «Краткое руководство к красноречию» Ломоносов говорит о том, что текст выступления, обращенного к аудитории, в частности к учащимся, должен быть логично построен, грамотно написан и излагаться хорошим литературным языком. Великолепие и сила слова, по Ломоносову, «зависит от основательного знания языка, от частого чтения хороших книг и от обхождения с людьми, которые говорят чисто». Важно подчеркнуть, что умению создавать убедительные, запоминающиеся, яркие тексты выступлений следует специально обучать, уделяя особое внимание лингводидактическим задачам.

В завершение обзора докладов, прозвучавших на юбилейном семинаре, посвященном 270-летию Московского университета, стоит отметить, что труды Ломоносова, при всем их универсализме и многообразии, объединяются общей идеей и целью: на их основе выдающийся ученый-мыслитель стремится создать передовую русскую науку и искусство, сформировать новое поколение исследователей и педагогов, воспитанных на принципах и ценностных категориях эпохи. Это прежде всего стремление к знаниям, трудолюбие, патриотизм, желание служить Отечеству и гордиться им, прославлять достижения России в современном мире.

ЛИТЕРАТУРА

Ломоносов М.В. Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М.; Л., 1952. С. 89–378.

Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб., 1755 (репринт. изд.: М.: Тип. «Новости», 2005. 210, [2] с.). [К 250-летию Московского университета].

Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка. М.: URSS, cop. 2016. 649, [1] с.; ил.

Евтюхин В.Б. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова: www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm

Касаткин Л.Л. Современный русский язык. Фонетика: Учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений. М., 2006. 256 с.

Панков Ф.И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия: Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2009. 844 с.

Сулейменов О.О. Мир пока не превращен в пустыню, человек должен понять свое слово // Известия. 2005. № 157. С. 11.

REFERENCES

Lomonosov M.V. (1952) Compendium of Eloquence. In: Lomonosov M.V. Complete Works: In 10 vols. Vol. 7. Moscow; Leningrad, pp. 89–378.

Lomonosov M.V. (1755) Russian Grammar. St. Petersburg. (Reprint: Moscow. Type “Novosti”. 2005. 210, [2] p.). [On the 250th anniversary of Moscow University].

Vsevolodova M.V. (2016) Theory of Functional and Communicative Syntax: A Fragment of a Fundamental Applied (pedagogical) Language Model. Moscow. URSS Publ. 649, [1] p.; ill.

Yevtyukhin V.B. “Russian Grammar” by M.V. Lomonosov: www.ruthenia.ru/apr/textes/lomonos/add02.htm

Kasatkin L.L. (2006) Modern Russian Language. Phonetics: Tutorial for Students of Philological Departments of the Universities. Moscow. 256 p.

Pankov F.I. (2009) Functional and Communicative Grammar of the Russian Adverb: Dissertation ... doctor of philology. Moscow. 844 p.

Suleimenov O.O. The World Has Not Yet Turned into a Desert, Man Has to Understand His Word. *Izvestia*. 2005. No 157, p. 11.

Сведения об авторах:

Татьяна Евгеньевна Чаплыгина,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Tatiana E. Chaplygina,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
chtatiana@mail.ru

Елена Леоновна Бархударова,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Elena L. Barkhudarova,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
e.barhudarova@mail.ru

Ольга Юрьевна Дементьева,
канд. филол. наук
доцент
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga Yu. Dementieva,
PhD
Associate Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
olgadem18@mail.ru

Ольга Владимировна Зубова,
канд. филол. наук
преподаватель
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Olga V. Zubova,
PhD
Lecturer
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
zubova.olgavlad@yandex.ru

Федор Иванович Панков,
доктор филол. наук
профессор
филологический факультет
МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedor I. Pankov,,
Doctor of Philology
Professor
Philological Faculty
Lomonosov Moscow State University
pankovf@mail.ru